

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

БАЙРОНА.

ПѢСНЯ СЕДЬМАЯ. (*)

I.

Любовь и слава! Съ очень давнихъ поръ
Вы среди насъ являлись, какъ видѣнье.
Такъ на небѣ полярномъ метеоръ
Блеснетъ и пропадетъ въ одно мгновенье.
Окоченѣлые отъ стужи и зимы,
Блескъ тѣхъ свѣтилъ ловить любили мы:
Они переливаясь исчезали,
И снова мы свой темный путь свершали.

(*) Подробности осады Измаила, служащей сюжетомъ VII и VIII пѣсней, взяты изъ французскаго сочиненія, «Historie de la Nouvelle Russie. Нѣкоторые изъ случаевъ, приписываемыхъ въ нихъ Жуану, и между прочимъ спасеніе дѣвочки, действительно случились съ покойнымъ Дюкомъ Ришелье, бывшимъ въ то время молодымъ волонтеромъ на русской службѣ, впоследствии же основателемъ и благодѣтелемъ Одессы, гдѣ имя его всегда будетъ воспоминаемо съ уваженіемъ.

Въ этихъ пѣсняхъ будутъ найдены одинъ или два стиха, касающіеся маркиза Лондондермъ; они были написаны за нѣсколько времени до его смерти. Еслибъ олигархія этого человѣка умерла вмѣстѣ съ нимъ, эти стансы безъ сомнѣнія были бы уничтожены; но такъ какъ она продолжала жить и послѣ него, то я не вижу ни въ жизни его, ни въ его смерти ничего такого, что бы могло воспрепятствовать свободному выраженію мнѣній всѣхъ тѣхъ, которыхъ во все

II.

Таковъ на этотъ разъ и мой романъ.
 Онъ тянется, капризный и свободный,
 Мѣняясь, какъ аврора хладныхъ странъ
 Надъ степью безконечной и холодной...
 Скорбя на жизнь, привыкли мы вздыхать,
 Но за порокъ нельзя же въ насъ считать
 И самый смѣхъ; когда мы жизнь узнаемъ,
 Ее парадной выставкой считаемъ.

III.

Меня всѣ обвинить хотятъ, *меня*
 (Въ чемъ? я и самъ пока не понимаю),
 Что будто жизнь нисколько не цѣня,
 Я въ жизни все съ презрѣньемъ отвергаю.

время его существованія онъ старался подчинить рабству. Былъ ли онъ любезнымъ человѣкомъ въ частной жизни, или нѣтъ, объ этомъ мало кто заботится; что же касается до оплакиванія его смерти, то на это еще будетъ довольно времени тогда, когда Ирландія перестанетъ оплакивать день его рожденія. Какъ министръ, это былъ одинъ изъ самыхъ деспотическихъ людей относительно намереній и изъ самыхъ слабыхъ относительно ума, которые когда либо тиранизировали страну. И дѣйствительно, послѣ норманновъ въ первый разъ пришлось Англии быть поругаемою, и кѣмъ же?—Министромъ, который даже не зналъ англійскаго языка! Въ первый разъ парламентъ позволилъ предписывать себѣ декретъ на языкѣ мистриссъ Малапропъ (Лицо изъ комедіи Шеридана «the Rivals»).

О томъ, какова была его смерть, немного можно сказать, кромѣ развѣ только того, что еслибъ какойнибудь бѣдняга — радикалъ перерѣзалъ себѣ горло, то онъ былъ бы похороненъ гдѣнибудь на перекресткѣ съ обычными принадлежностями: коломъ и веревкой. Но министръ былъ элегантный лунатикъ, сантиментальный самоубійца—онъ только перерѣзалъ себѣ шейную артерію, и вотъ для него пышность и аббатство (онъ похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ), надгробныя слова печали и вой, поднятый газетами, и похвальная рѣчь коронера надъ трупомъ умершаго, достойнаго Антонія такого достойнаго Кесаря — и противное и гнусное воспѣваніе разжалованной толпы заговорщиковъ противъ всего, что правдиво и честно. Въ своей смерти, по смыслу закона, онъ былъ или преступникъ или сумасшедшій — и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не заслуживалъ панегирика. Въ жизни своей онъ былъ тѣмъ, чѣмъ знаетъ его весь свѣтъ и чѣмъ половина свѣта будетъ еще чувствовать годы, несмотря на то, что смерть его должна служить «прииѣромъ» для пережившихъ его Селяновъ Европы. Хорошо, что хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ можетъ служить націямъ то, что ихъ притѣснители не бываютъ счастливы и иногда такъ же строго судятъ о своихъ собственныхъ поступкахъ, какъ бы для того, чтобы предупредить приговоръ надъ ними челоуѣчества.—Но не будемъ болѣе говорить объ этомъ челоуѣкѣ; и пусть

Я не сочту всѣхъ громкихъ, жесткихъ словъ...
 О, Боже мой! Какъ крикъ тотъ безтолковъ!...
 Я самъ иду дорогой Соломона,
 Сервантеса и Данта и Платона.

IV.

Сенотъ, Лютеръ, Фенелонъ, Маккиавелъ
 О томъ же говорили намъ надравле,
 И самъ Руссо сказалъ, что жизни цѣль
 Картофельнаго яблока дешевле.
 Я въ томъ, какъ и они, не виновать,
 Не ставилъ я себя съ Катонемъ въ рядъ
 И даже съ Диогеномъ, а о смерти
 И безъ меня извѣстно всѣмъ, повѣрьте.

Ирландія перенесетъ прахъ своихъ Граттановъ изъ Вэстингстера. Развѣ истинные патриоты человечества могутъ лежать вмѣстѣ съ Вертерами политики!!!

Въ отвѣтъ на возраженія, которыя были сдѣланы съ другаго берега относительно уже напечатанныхъ пѣсней этой поэмы, я удовольствуюсь приведеніемъ двухъ цитатъ изъ Вольтера—«La pudeur s'est enfuie des coeurs, et s'est réfugiée sur les lévres»... «Plus les mœurs sont dégradées, plus les expressions deviennent mesurées; on croit regagner en langage ce qu'on a perdu en vertu».

Это дѣйствительный фактъ, столько же примѣнимый къ униженной лицемѣрной массѣ, составляющей закваску настоящаго англійскаго поколѣнія, и не заслуживающей другаго отвѣта, какъ тотъ, который мною приведенъ выше. Часто и расточительно употребляемый титулъ богохульника, которымъ вмѣстѣ съ другими измѣненіями, какъ радикаль, либераль, якобинецъ, реформаторъ и т. п. наемники трубятъ въ уши всѣхъ желающихъ ихъ слушать, долженъ бы хорошо звучать для тѣхъ, которые вспомнятъ, кому онъ былъ пожалованъ въ началѣ. Сократъ и Исусъ Христосъ были обречены на смерть, какъ богохульники, и такой же участи подвергались и будутъ подвергаться многіе, которые дерзаютъ противиться наиболѣе распространеннымъ злоупотребленіямъ имени Божьяго и человеческого ума. Но преслѣдованіе не есть опроверженіе и далеко не торжество: «несчастный, невѣрный», какъ они называютъ многихъ, вѣроятно гораздо счастливѣе въ своей темницѣ, чѣмъ самый гордый изъ нападающихъ на нихъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, справедливы или нѣтъ его воззрѣнія, но онъ пострадалъ за нихъ, а это-то страданіе за убѣжденіе дастъ болѣе приверженцевъ деизму, чѣмъ примѣры новѣрныхъ прелатовъ государству, государственные мужи-самоубійцы—притѣсненію, или получающіе пенсію челоѣкоубійцы—нечистому союзу, весь міръ называющему «священнымъ!» Я не вижу намѣренія топтать ногами мертвыхъ и обезчещенныхъ, но было бы не дурно, если бы приверженцы тѣхъ классовъ, изъ которыхъ выходятъ такіе люди, нѣсколько поуѣрмили свои восторженные похвалы; эти похвалы въ настоящее барышническое и жерѣчливое время самолюбивыхъ грабителей — вопіющій грѣхъ, и... — но пока довольно.

Пиза, іюль, 1822. Б.

V.

Сократъ сказалъ о знаніи людей:
 «Мы знаемъ то, что ничего не знаемъ».
 Всѣ мы съ подобной скудностью идей
 Съ ослами рядомъ мѣсто занимаемъ,
 И самъ Ньютонъ — прославленный мудрецъ
 Среди трудовъ сказалъ намъ подъ конецъ,
 Что предъ наукой — этимъ океаномъ —
 Себя считалъ онъ только мальчуганомъ.

VI.

«Все суета!» — эkkлeзіасты намъ
 Давно уже объ этомъ рассказали,
 Когда жь вернемся къ нашимъ временамъ,
 То вновь придемъ къ подобной же морали.
 Тебя позналъ, о суета суетъ!
 Мудрецъ и проповѣдникъ и поэтъ,
 Зачѣмъ же я изъ страха осужденья
 Не выскажу такого жь точно мнѣнья?

VII.

Псы или люди! (Знайте: это лесть,
 За тѣмъ что вы презрѣннѣй, чѣмъ собаки)
 Быть можетъ, вамъ охоты нѣтъ прочесть
 Мои стихи, — мнѣ все равно!... Во мракѣ
 Съ умѣть ли полночный вой волковъ
 Луну остановить средь облаковъ?
 Такъ войте же, полны остервенѣнья!
 Я освѣщу васъ блескомъ вдохновенья.

VIII.

Любовь и кровожадную войну
 Я избралъ для себя двойной задачей,
 И пѣть осаду города начну
 И приступъ тотъ отчаянно-горячій
 Со всѣхъ сторонъ подъ блескъ стальныхъ штыковъ
 Суворовымъ надвинутыхъ полковъ...
 Онъ обращалъ вниманье многихъ взоровъ.
 Война и кровь — вотъ чѣмъ дышалъ Суворовъ.

IX.

Та крѣпость называлась Измаилъ.
 На лѣвомъ берегу рѣки Дуная —
 Она стоитъ. Восточный вкусъ сложилъ
 Тѣ стѣны неприступныя. Не зная
 Осады сокрушительной, они
 Стояли безбоязненно въ тѣ дни.
 Быть можетъ, нынче стѣны эти скрыты
 И гордость ихъ и слава позабыты.

X.

Близъ города, стѣной окружено,
 Среди холма разбросано предмѣстье.
 Какой-то грекъ придумалъ тамъ давно
 (Его вторымъ Вобаномъ долженъ счесть я)
 Наставить палисадовъ длинный рядъ,
 Такъ что они собою, говорятъ,
 Стрѣлять изъ этой крѣпости мѣшали
 А дѣлавшимъ осаду помогали.

XI.

Вы видите, какъ былъ хитеръ тотъ грекъ.
 Но рвы глубоки были, точно море,
 А стѣны высоки и человѣкъ
 Повѣситься на нихъ не могъ бы съ горя.
 Все жъ Измаилъ былъ плохо укрѣпленъ
 (Пусть мнѣ простятъ строительный жаргонъ!):
 Безъ насыпей и скрытыхъ сообщеній
 И для враговъ опасныхъ затрудненій.

XII.

Былъ только грозенъ мрачный бастионъ.
 Какъ черепа иные, крѣпки стѣны
 И батареи смотреть съ двухъ сторонъ:
 Изъ амбразуръ угрозой для измѣны
 И на открытомъ мѣстѣ, чтобъ съ рѣки
 На приступъ не полѣзли «казаки»,
 А между тѣмъ изъ мѣдныхъ пушекъ справа
 Рвалася съ ревомъ огненная лава.

XIII.

Но все жь съ рѣки пройти враги могли.
 Увѣрить турковъ было невозможно,
 Что подплывутъ къ нимъ русскихъ корабли,
 Но въ этомъ всѣ увѣрились тревожно,
 Когда съ Дуная приступъ начался...
 Весь городъ опасеньямъ предался,
 И турки въ изумленіи стояли
 И лишь «Аллахъ! и Бисаллахъ!» шептали.

XIV.

Уже къ осадѣ русскіе идутъ...
 Богини войны и славы! Научите,
 Чтобъ ихъ именъ не перевралъ я тутъ,
 Мнѣ имена казаковъ подоважите!
 Ихъ подвиги могли безсмертья ждать,
 Когда бы все могли пересказать
 Объ этихъ Ахиллесахъ въ чуждыхъ краяхъ...
 Произносить лишь трудно имена ихъ.

XV.

Все жь назову иныхъ. Тамъ были: Дьворъ
 Сергѣй, Мекнопъ (*), Строконовъ и Стройгеновъ,
 Тамъ былъ тогда извѣстный Чичаговъ,
 Рогеновъ знаменитый и Шокедовъ —
 И многіе другіе. Я бы могъ
 Взять изъ газетъ еще двѣ пары строкъ
 Такихъ именъ, но слава (эта дама
 Въ гармоніи стиховъ всегда упряма) —

XVI.

Тѣ имена не можетъ сочетать
 Подъ рифмою, хоть нужно имена тѣ
 И память ихъ героевъ уважать,
 Героевъ непреклонной этой рати.
 Изъ всѣхъ намъ незнакомыхъ звучныхъ словъ,
 Немыслимыхъ для англійскихъ стиховъ,

(*) Въ переводѣ я счелъ за лучшее сохранить правописаніе всѣхъ русскихъ именъ въ томъ же самомъ видѣ, какъ у Байрона.

Съ ихъ окончаньемъ: «ишкинъ», «ускинъ», «овскій»,
Одно лишь имя помню: — Разумовскій,

XVII.

Но были всѣ воинственны они
И на враговъ геройски наступали;
Самъ Муфти попадись имъ въ эти дни —
Они съ живаго кожу бы содрали,
И къ ужасу несчастныхъ муссульманъ,
Той кожей обтянули барабанъ,
Когда бы подъ рукой матеріала
Для русскихъ барабановъ не достало.

XVIII.

Тамъ были иноземцы разныхъ странъ,
И волонтеры націй всевозможныхъ,
Спѣшившіе войной набить карманъ
Иль дослужиться почестей вельможныхъ
(Для юношей занятя лучше нѣтъ).
Тамъ были и британцы разныхъ лѣтъ:
Нашлось Томсоновъ человекъкъ шестнадцать
И Смисовъ счетомъ ровно девятнадцать.

XIX.

Тамъ были Джекъ Томсонъ и Билль Томсонъ.
Звались другіе именемъ поэта, (*)
(Извѣстно: назывался Джемсомъ оцъ)
Почетнѣе гербовъ всѣхъ имя это.
Трехъ Смисовъ звали Питерами; былъ
Одинъ изъ нихъ извѣстенъ (**): онъ ходилъ
Въ походъ на Галифаксъ (***) и былъ достоинъ
Большихъ похвалъ, какъ превосходный воинъ.

XX.

Еще скажу: одинъ изъ Джековъ Смисъ
Родился въ Кумберландѣ отдаленномъ,
Гдѣ горы замѣняли рядъ кулисъ.
Потомъ онъ сталъ героемъ пораженнымъ

(*) Джемсъ Томсонъ, авторъ поэмы «The Seasons» (Времена года).

(**) Этотъ Смисъ одно изъ лицъ въ комедіи «Love, laughs at Locksmiths».

(***) Главный городъ Новой Шотландіи.

Былъ занесенъ въ газетный бюллетень:
 Въ сраженіи въ одинъ несчастный день,
 Когда и воздухъ кровью былъ пропитанъ,
 При взятіи «Шмаксмиса» былъ убитъ онъ.

XXI.

Хочу я знать (хоть Марсъ и дорогъ мнѣ),
 Пріятна ль намъ всѣхъ бюллетеней слава,
 Когда насъ срѣжетъ пуля на войнѣ?
 О томъ спросить вѣдь я имѣю право?
 Мнѣ за Шекспиромъ слѣдовать пришлось:
 И самъ Шекспиръ вложилъ такой вопросъ
 Въ одну изъ драмъ, откуда всѣ остроты,
 Порой, крадутъ нахально идіоты.

XXII.

Тамъ были и французы. Ихъ именъ
 Произносить однако я не стану, —
 Горячимъ патриотомъ я рожденъ
 И склоненъ въ этомъ случаѣ къ обману.
 Измѣнникомъ британецъ звать привыкъ
 Любаго гражданина, чей языкъ
 При имени: французъ — не огрызнется
 И какъ Джонъ Буль надъ нимъ не посмѣется.

XXIII.

Спѣша двѣ баттарей укрѣплять,
 Двѣ цѣли войско русское имѣло:
 Во первыхъ, Измаиль бомбардировать
 И пушками разрушить зданья смѣло,
 Чтобъ не было пощады никому...
 Самъ Измаиль способствовалъ тому:
 Амфитеатромъ зданья въ немъ стояли
 И цѣль для ядеръ русскихъ представляли.

XXIV.

А во вторыхъ, хотѣлось имъ начать,
 Въ минуту суматохи и смятенья,
 Турецкій флотъ врасплохъ атаковать,
 На якорѣ стоящій безъ движенья —

И устранивъ враговъ напоромъ силъ,
Заставить турковъ сдать имъ Изманлъ.
Послѣдній планъ возможенъ безъ сомнѣнья,
Пока мѣсть нѣтъ въ войскахъ ожесточенья.

XXV.

Есть гадкая привычка у людей:
Они враговъ презрѣнными считали,
И жертвою тѣхъ варварскихъ идей
Тамъ подъ ножомъ Чичицковъ съ Сμισомъ пали,
Изъ храбрыхъ нашихъ Сμισомъ далъ одинъ...
Съ тѣмъ именемъ такъ много есть мужчинъ,
Что угадать почти мы можемъ прямо —
То имя перешло къ намъ отъ Адама.

XXVI.

Небрежная постройка баттарей
Побѣды часъ на время отдалила.
Такъ иногда Лонгменъ иль Джонъ Муррей (*)
Глядятъ на все печально и уныло,
Когда продажа книгъ у нихъ нейдетъ.
И точно также свой блестящій ходъ
На время геній славы замедляетъ
И дѣло битвы разомъ не рѣшаетъ.

XXVII.

Кто жъ былъ въ дурной постройкѣ виноватъ?
Не знаю я. Быть можетъ, инженеры,
Иль былъ подрядчикъ русскій плутоватъ,
Обманывать старался всѣхъ безъ мѣры,
Но баттарей, сдѣланныхъ тамъ,
Давали много смѣлости врагамъ:
Съ нихъ промахи по крѣпости давали
И цѣль для пуль турецкихъ открывали.

XXVIII.

Безъ всякой пользы двигались суда,
Не зная хорошенько разстоянья,
Три брандера лишились навсегда
Безъ пользы своего существованья:

(*) Лондонскіе издатели.

Фитиль неосторожно запылавъ,
 И ихъ въ одно мгновенье подорвалъ,
 И хоть лучи денницы загарались,
 Но турки все еще не просыпались.

XXIX.

Быль наконецъ замѣченъ русскій флотъ,
 Флотилія ужь близко подходила.
 И съ ревомъ ядра ринулись впередъ
 На грозныя твердыни Измаила.
 И съ крѣпости отпоръ былъ данъ назадъ
 Лился потокъ картечи и гранатъ;
 Враги мѣнялись дружно межъ собою
 Ружейною и пушечной пальбою.

XXX.

Такъ шесть часовъ огонь не умолкалъ,
 И русскіе какъ мѣтко ни стрѣляли,
 Но поняли, что неприступный валъ
 Они одной пальбой не разрушали,
 Что тѣмъ путемъ не взять имъ Измаилъ.
 И русскій флотъ тотчасъ же отступилъ:
 Одинъ фрегатъ случайно подорвали
 Другой во время битвы турки взяли.

XXXI.

Но много жертвъ и турки понесли.
 Когда жь флотъ русскихъ началъ отступление,
 Спустились лодки съ насыпей земля
 И удалцы турецкіе въ мгновенье
 За флотомъ понеслись до вода,
 Обстрѣливать стараясь ихъ вездѣ.
 Но высадку задумавъ, тотчасъ были
 Отброшены: ихъ русскіе разбили.

XXXII.

«Когда бь хотѣлъ я описать погромъ
 И натискъ русскихъ войскъ на крѣпость эту,
 То долженъ бы издать за томомъ томъ».
 Такъ возвѣстилъ тогда историкъ свѣту.

И кончивши на этомъ, началъ онъ
Васъ прославлять, де-Линь и Данжероты!...
Ихъ имена въ исторію попали
И слава занесла ихъ на сиринсали.

XXXIII.

А между тѣмъ кто зналъ тѣ имена?
Для большинства ихъ имя не извѣстно...
О, слава! Не на долго ты дана!
Ты измѣняешь людямъ повсемѣстно,
Капризная изъ всѣхъ земныхъ богинь!
Лишь только потому, что «принцъ де-Линь» (*)
Оставилъ мемуары, безъ сомнѣнья,
Онъ избѣжалъ, какъ прочіе, забвенія.

XXXIV.

Вотъ тѣ, которые прославились давно
И какъ герои храбрые сражались,
Но помнить ихъ именъ не суждено:
Они, какъ и другіе, забывались
Толпой неблагодарной въ краткій срокъ.
Держу теперь пари—никто не могъ
Изъ всѣхъ послѣднихъ войнъ по разнымъ странамъ
Припомнить ихъ героевъ имена намъ.

XXXV.

И такъ, осада та неудалась.
Хотя рѣшался очень энергично
Извѣстный по исторіи—Рибасъ.
Начать атаку сильную вторично,
Но всѣми былъ отвергнутъ этотъ планъ...
Я снова стаю растягивать романъ.
Не стану же, чтобъ избѣжать проклятья,
Рѣчей героевъ всѣхъ перечислять я.

XXXVI.

Въ то время жилъ въ Россіи мужъ одинъ,
Красавецъ и съ сложеньемъ Геркулеса.

(*) Письма и Размышленія австрійскаго фельдмаршала Карла «Тосица» принца де-Линь, изд. Баронессою Сталь-де-Гольшгайнъ, 2 т. 1803 г.

Богатый, сладострастный славянинъ,
Извѣстный всѣмъ вельможа и повѣса,
Потомъ онъ умеръ, чахлый и безъ силъ
Въ краю, который самъ онъ разорилъ;
Такъ саранча поля опустошаетъ,
А тамъ—на нихъ сама же умираетъ.

XXXVII.

То былъ Потемкинъ, баловень судьбы,
Звѣзда того промчавшагося вѣка,
Когда богатству кланялись рабы,
Превозносили знатность человека.
Онъ пышностью своею поражалъ,
И ростъ его высокій возбуждалъ
Передъ глазами сѣверной столицы
.

XXXVIII.

И вотъ къ нему Рибасъ курьера шлетъ,
Чтобъ получить отъ князя разрѣшенье
На новый приступъ двинуть русскій флотъ
И получить согласие на сраженье,
Къ атакѣ приготовились полки,
И скоро пушки грянули съ рѣки,
А съ крѣпости, закутанной въ туманъ,
Пальбою отвѣчали мусульмане.

XXXIX.

Въ тотъ самый день, когда осаду снять
Рѣшились, отступивъ отъ Измаила,
Успѣлъ курьеръ нарочный прискакать,
И въ войскѣ вновь проснулись жизнь и сила,
Депешу привезенную прочли
И въ ней извѣстье новое нашли:
Главою войскъ—повсюду крикъ промчался—
Потемкинскій Суворовъ назначался.

XL.

Къ Рибасу князь письмо свое прислалъ,
Гдѣ очень ясно высказалъ желанье.

Его приказъ историкъ бы называлъ
 Образчикомъ спартанскаго посланья,
 Когда бъ его источникъ былъ иной.
 Теперь же только краткостью одной
 Извѣстенъ онъ. Дюпеша возвѣщала:
 «Взять Измаиль, во что бы то ни стало»

XLI.

«Да будетъ свѣтъ!» Богъ молвилъ, и былъ свѣтъ.
 «Дабудетъ кровь!» сказалъ одинъ владыка,
 И море крови пролито, и нѣтъ
 Ужаснѣе приказа. Вуйно, дико
 Въ единый часъ то сокрушить война,
 Надъ чѣмъ трудится долго вся страна,
 Война идетъ и гдѣ проходитъ мимо —
 Терзаетъ и разитъ неумолимо.

XLII.

Станъ турковъ былъ не долго восхищенъ
 Уходомъ русскихъ. Вѣрится легко намъ
 Въ бою, что непріятель пораженъ
 (Иль пораженъ: грамматики законамъ
 Въ пылу я очень часто измѣнялъ).
 Здѣсь объ ошибкѣ турковъ я сказалъ:
 Хотя свиней они и презирали,
 Но собственное сало охраняли.

XLIII.

Дѣйствительно двухъ всадниковъ въ пыли
 Увидѣли изъ лагера. Сначала
 Ихъ за казаковъ приняли вдали.
 За ихъ сѣдломъ запасовъ очень мало:
 Рубашки три — вотъ все богатство ихъ.
 Когда жъ они на скакунахъ линикъ
 Подъѣхали, узнали ихъ безъ споровъ:
 То былъ съ проводникомъ своимъ Суворовъ.

XLIV.

«Мы въ радости!» глупцы порой кричатъ
 Въ часъ лондонскихъ большихъ иллюминацій.

Джонъ-Булль имъ постоянно очень радъ:
Они — мечты его галлюцинацій.
Лишь былъ бы городъ ярко освѣщенъ,
Свой кошелекъ раскроетъ мудрый Джонъ,
Предастся безразсудству онъ въ излишкѣ,
Лишь только бѣ волю дать своей страстижкѣ.

XLV.

Донмиѣ онъ глаза свои клянетъ, (*)
Но лишено проклятье то значенья,
И чортъ при этомъ ухомъ не ведетъ,
Затѣмъ, что Джонъ совсѣмъ лишился зрѣнья.
Онъ въ пошлинахъ находитъ счастья цѣвтъ
И голода, измученный скелетъ,
Считаетъ онъ за бредни и химеры,
И говоритъ, что онъ есть сынъ Цереры.

XLVI.

И такъ впередъ. Весь лагерь ликовалъ:
Французы, англичане и казаки...
Суворовъ всѣхъ какъ факель освѣщаль,
Приготавливалъ къ блистательной атакѣ.
Какъ огонекъ, блудящій межъ бологъ,
Вслѣдъ за собою путника ведетъ,
Такъ и за нимъ, дивясь ему какъ чуду,
Войска и свита слѣдовали всюду.

XLVII.

По лагерю гулъ радостный идетъ,
Восторженные крики раздаются,
Честь отдаетъ фельдмаршалу весь флотъ...
Войска осады ждутъ и не дождутся,
Вотъ пушка прогремѣла, рать снѣжитъ,
Работа батарейная кипитъ,
Приготавливаютъ новыя фашины:
И разныя гуманшылъ манианы.

(*) Любимая поговорка у англичанъ: «Damn mine eyes» (да будутъ прокляты мои глаза), употребляемая въ томъ случаѣ, если онъ хочетъ увидеть когонибудь въ справедливости своего мнѣнья.

XLVIII.

Власть сильнаго надъ міромъ велика.
 Такъ гонить вѣтеръ волны океана,
 Такъ часто волю одного быка
 Все стадо исполняетъ безъ обмана,
 И онъ одинъ ведетъ его съ собой.
 Всѣ смертные, любимыя судьбой,
 Имѣя силу, массы увлекаютъ
 И подчиняться рабски заставляютъ,

XLIX.

Весь лагерь и войска шумѣли такъ,
 Какъ будто брачный пиръ ихъ ожидаетъ
 (Метафора прилична: каждый бракъ,
 Какъ и война, безъ сеоры не бываетъ).
 И даже дѣти съ раннего утра
 Въ обозѣ голосили вслухъ: ура!...
 Такъ старичекъ чуть видный и невзрачный,
 Явившись, оживилъ весь лагерь мрачный.

L.

Да, это такъ. Уже со всѣхъ сторонъ
 Стоять войска, всѣ новой битвы рады.
 Былъ подъ ружьемъ отрядъ изъ трехъ колоннъ
 И только ждалъ сигнала для осады.
 Другой отрядъ изъ трехъ колоннъ готовъ
 Пробить путь къ славы съ помощью штыковъ,
 А двѣ колонны въ третьемъ ихъ отрядѣ
 Готовились идти на крѣпость осади.

LI.

Рядъ баттарей былъ вновь сооруженъ,
 Военный судъ былъ собранъ для совѣта,
 Единогласьемъ полнымъ заключенъ
 (Въ такихъ дѣлахъ бываетъ рѣдко это).
 Все рѣшено вѣча небѣ тогда.
 Зардѣлась славы яркая вѣзда,
 И обучалъ ружьемъ владѣть Суворовъ
 Всѣхъ рекрутовъ и робкихъ волонтеровъ.

LII.

Не подлежит сомнѣнью, что онъ самъ
 Могъ исполнять обязанность капрала
 И дрессировку дѣлалъ рекрутамъ:
 Такъ точно саламандра начинала
 Премудрые уроки понимать
 И пламя съ нѣжной граціей глотать.
 Онъ ихъ училъ на лѣстницы взбираться
 И чрезъ глубокой ровъ переправляться.

LIII.

Онъ турками фашины наряжалъ,
 Въ чалмы, давалъ имъ сабли, ятаганы,
 И рекрутовъ на чучель заставлялъ
 Ходить какъ въ бой и наносить имъ раны.
 Хоть та система воинскихъ потѣхъ
 Въ иныхъ и возбуждала громкій смѣхъ,
 Но онъ, не отвѣчая имъ на это,
 Взялъ Изманлъ: вѣдь лучше нѣтъ отвѣта.

LIV.

Въ ночь предъ осадой въ тихій крѣпкій сонъ
 Весь лагерь не на долго погружился.
 Его молчанью, сну со всѣхъ сторонъ
 Изъ насъ конечно бѣ всякій удивился,
 Но предъ грозой спокойно спятъ солдаты.
 Все было тихо въ войскѣ. Каждый радъ
 Подумать о прошедшемъ передъ битвой.
 И къ смерти приготовиться съ молитвой.

LV.

На сторожѣ одинъ Суворовъ былъ,
 Давалъ кругомъ совѣты, приказы,
 Тамъ помогалъ работѣ, тамъ шутилъ...
 Тотъ человекъ достоинъ былъ вниманья:
 Герой, буффонъ, фельдмаршалъ и капралъ,
 Вездѣ своихъ враговъ онъ разбивалъ...
 Сегодня шутъ, а завтра мужъ суровый,
 Сегодня Марсъ, а завтра Момусъ новый.

LVI.

Межъ тѣмъ какъ замѣчательный герой
 Слѣдилъ за обученьемъ новобранцевъ
 Казаки натолкнулись той порою
 На кучку неизвѣстныхъ иностранцевъ,
 Одинъ изъ нихъ, хотя съ большимъ трудомъ,
 Могъ говорить по русски. Онъ потомъ
 Имъ объяснилъ, что самъ во время оно
 Считалъ своимъ русскія знамена.

LVII.

По просьбѣ незнакомца, отвели
 Ихъ въ главную квартиру. По наряду
 За мусульманъ ихъ приняли вдали,
 Но поняли по первому же взгляду,
 Что тотъ костюмъ — случайный маскарадъ.
 Не въ первый разъ восточныхъ странъ нарядъ
 Сыны Европы нашей надѣвали
 И съ толку иногда людей сбивали.

LIII.

Передъ толпой калмыковъ, въ этотъ часъ
 Въ рубашкѣ находился самъ Суворовъ
 И убѣждалъ, какъ нужно всякій разъ
 Крошить враговъ безъ дальнихъ разговоровъ.
 Онъ человека — глицною считалъ
 И правила такія всѣмъ внушалъ,
 Что также хороша смерть отъ булата,
 Какъ пенсіонъ въ отставкѣ для солдата.

LIX.

Когда Суворовъ плѣнныхъ увидалъ,
 Изъ подъ бровей глаза его блеснули:
 — «Откуда вы?» Спросилъ ихъ генераль.
 — «Какъ плѣнниковъ держали насъ въ Стамбулѣ,
 Оттуда мы бѣжали», — былъ отвѣтъ.
 — «Кто вы?» — «Какъ видите»... (Тогда весь свѣтъ
 Ужъ зналъ о томъ, что былъ Суворовъ кратокъ:
 На немъ лежалъ особый отпечатокъ).

LX.

— «Какъ васъ зовутъ?» — «Меня зовутъ Джонсонъ,
Товарищъ мой—Жуанъ, а вошь двѣ дамы,
А третій же.... совсѣмъ безъ пола онъ».
— «Послѣднихъ трехъ не приняли бѣ сюда мы.
Но такъ и быть!... Вашъ другъ мнѣ незнакомъ,
Но вы.... вы съ Николаевскимъ полкомъ
Подъ Виддиномъ ходили на сраженье?»
— «Да, генераль, участвовалъ въ тотъ день я».

LXI.

— «Вы, кажется, атаку тамъ вели».
— «Я». — «Что жъ потомъ?» — «Не помню я, признаться...»
— «Вы первый въ этотъ день на брешь вошли?»
— «Да, какъ и всѣ, спѣшилъ туда забраться...»
— «Ну что жъ за тѣмъ?» — «За тѣмъ былъ раненъ въ бокъ
И кто-то въ пазуху меня ударилъ».
— «Хоть Виддинъ взять гораздо легче было,
Мы отомстимъ за васъ у Иманла».

LXII.

«Гдѣ вы служить начнете?» — «Гдѣ вибуль,
Мнѣ все равно, куда ни помѣстите».
— «Вы любите всегда опасный путь
И отъ другихъ отстать не захотите,
Но вашъ товарищъ молодъ такъ, усталъ...
Что можетъ дѣлать онъ?» — «О, генераль,
Когда въ войнѣ онъ начнетъ увлекаться,
Какъ и въ любви, то будетъ дѣломъ онъ драться»..

LXIII.

— «Посмотримъ, какъ онъ храбри. (Здѣсь Дочь Жуанъ
Суворову съ почтеньемъ поклонился).
Сегодня въ ночь пойдетъ на мусульманъ
Вашъ старый полкъ, я такъ распорядился —
Я далъ обѣтъ: прѣдетъ борона
Тамъ, гдѣ стѣитъ турецкая стѣна,
И плугъ пройдетъ черезъ твердыни эти,
Сметая въ прахъ огромныя мечети».

LXIV.

«И такъ, впередъ!» И началъ онъ опять
 Рѣчами вдохновеннаго рубаки
 Въ своихъ солдатахъ храбрость возбуждать,
 Какъ проповѣдникъ, звалъ онъ ихъ къ атакѣ,
 Туда съ собой на неприступный валъ,
 Гдѣ Исмаиль недвижимый стоялъ,
 Гдѣ гибели назначены заранѣ
 За крѣпостью скрывались мусульмане.

LXV.

Одобренный бесѣдою, Джонсонъ
 Къ Суворову вновь съ просьбой обратился,
 Хоть занятый своимъ ученьемъ, онъ
 Въ толпѣ солдатъ ходилъ и суетился.
 — «Мы, генераль, сочтемъ себя за честь
 Всѣхъ впереди на этотъ приступъ лѣзть,
 Но намъ пока еще не указали,
 Куда насъ здѣсь обоихъ назначали...»

LXVI.

— «Ба, я забылъ... Въ одинъ изъ твоихъ полковъ
 Я васъ пошлю, гдѣ прежде вы служили.
 Онъ будетъ завтра въ дѣлѣ. Эй, Каиковъ!
 Скажи, чтобъ ихъ сейчасъ же проводили.
 Но пусть вашъ другъ останется при мнѣ.
 А иностранки эти... Пусть онѣ,
 Чтобъ имъ межъ насъ напрасно не мѣшались,
 Въ обозѣ въ это время помѣстятся.»

LXVII.

Но здѣсь произошла одна изъ сценъ.
 Двѣ женщины въ испугѣ задрожали,
 Хотя для нихъ не новостью было шитье:
 Онѣ его въ гаремѣ испытали.
 Какъ курица, разбросивъ два крыла,
 Пощады или помощи ждала,
 Такъ и онѣ рыдая, полны мукъ
 Въ отчаяньи нѣмомъ простерли руки —

LXVIII.

Къ двумъ храбрецамъ, которыхъ отличалъ
 Одинъ изъ полководцевъ знаменитыхъ,
 Одинъ изъ тѣхъ, предъ кѣмъ весь край дрожалъ,
 Кто къ славѣ шелъ черезъ тѣла убитыхъ.
 О, люди сумасбродные! о, свѣтъ!
 О, лавръ безсмертной славы и побѣдъ!
 Ты моремъ алой крови достаемся
 И надъ врагами падшими смѣешься!..

LXIX.

Не понималъ Суворовъ женскихъ слезъ.
 И этихъ женщинъ горькія рыданья
 Ему теперь выслушивать пришлось:
 Въ немъ будто шевельнулось состраданье.
 Хотя война, прелитой кровью видъ
 Сердца героевъ часто и черствитъ,
 Но иногда ихъ трогаютъ печали.
 Такимъ же и Суворова считали.

LXX.

И онъ сказалъ: «Отвѣтъ, Джонсонъ, — ко мнѣ
 На кой же чортъ двухъ женщинъ привели вы?
 Пускай въ обѣзъ отправятся онѣ,
 Гдѣ будутъ въ безопасности и живы.
 Совсѣмъ намъ не съ руки такой багажъ.
 Я не терплю, когда приходитъ блажь —
 Жениться молодымъ моимъ солдатамъ.
 Гдѣ тутъ возиться съ ратникомъ женатымъ!»

LXXI.

— «Нѣтъ, генералъ. Двухъ этихъ дамъ сюда
 Случайно привели мы. Эти дамы
 Въ бракъ съ нами не вступали никогда.
 Я службу понимаю и сюда мы,
 Имѣя женъ, едвакъ бѣ ихъ привели...
 Удобнѣе оставить ихъ вдали,
 Чтобъ за семью своею не опасаться
 И безъ заботъ на приступѣ сражаться.

LXXII.

«Но эти двѣ турчанки насъ спасли,
 Съ прислужникомъ своимъ и съ нами вмѣстѣ
 Черезъ множество опасностей прошли,
 Боясь погони тайной или мести.
 Такая жизнь не новость для меня,
 Но юность ихъ, неопытность цѣня,
 Прошу я васъ, хотя изъ состраданья,
 Имъ оказать, какъ женщинамъ, вниманье».

LXXIII.

Турчанки ощущали тайный страхъ,
 На лицахъ ихъ написаны сомнѣнья.
 Но и въ тоскѣ, съ слезами на глазахъ,
 Скрыть не могли, бѣдняжки, удивленья
 При взглядѣ на худаго старика,
 Стоявшаго при нихъ безъ сюртука,
 Въ грязи, въ пыли, въ изорванномъ жилетѣ,
 Хотя предъ нимъ дрожало все на свѣтѣ.

LXXIV.

Дѣйствительно, замѣтили онѣ,
 Что вокругъ ему толпа повиновалась,
 Хотя у нихъ въ турецкой сторонѣ
 Султана власть лишь въ роскоши являлась,
 Въ камняхъ драгоцѣнныхъ и въ цвѣтахъ,
 А въ этихъ незнакомыхъ имъ мѣстахъ
 Турчанки не могли не удивляться,
 Какъ можетъ власть безъ пышности являться.

LXXV.

Джонсонъ ихъ утѣшалъ, на сколько могъ,
 И вывести старался изъ сомнѣнья,
 А Донъ-Жуанъ клялся, что лишь востокъ
 Зарею заалѣетъ — въ то мгновенье
 Онъ гдѣ нибудь ихъ встрѣтитъ, здѣсь или тамъ,
 Иначе — горе русскимъ всѣмъ войскамъ.
 И — странно! — ихъ лицо свѣтлѣе стало:
 Хвастливость дамамъ нравится не мало.
 Т. СІХ. Отд. I.

LXXVI.

Такъ послѣ поцалуевъ, вздоховъ, слезъ
 Рѣшились наконецъ они разстаться,
 Красавицы отправились въ обозъ
 Рѣшенія сраженья дожидаться
 (Ты, неизвѣстность—лучшій даръ боговъ!),
 А храбрецы собирались на враговъ,
 Хотя враги имъ зла не доказали,
 И къ битвѣ приготавливаться стали.

LXXVII.

Суворовъ же иначе рассуждалъ,
 Въ анализъ очень тонкій не пускался,
 Значеня жизни вовсе не давалъ
 И видомъ труповъ, крови не смущался.
 До мелкихъ ранъ герою дѣла нѣтъ,
 Онъ впереди лишь видитъ рядъ побѣдъ,
 А потому замѣтилъ онъ едва-ли,
 Какъ двѣ турчанки слезы проливали.

LXXVIII.

А между тѣмъ ужъ близокъ битвы срокъ.
 Сейчасъ земля дрожать начнетъ отъ стона...
 Когда бъ Гомеръ о пушкахъ вѣдать могъ,
 Я вспомнилъ бы осаду Илиона,
 Какъ сынъ Приама въ битвѣ былъ убитъ...
 Но не таковъ новѣйшей битвы видъ:
 Штыки и ружья, ядра и мортиры—
 Слова совсѣмъ не нѣжныя для лиры.

LXXIX.

О, ты, Гомеръ! Умѣлъ плѣнять ты слухъ,
 Умѣлъ смягчать своимъ напѣвомъ души,
 Могъ шевелить и тѣхъ, кто даже глухъ...
 Твой стихъ гремѣлъ и въ морѣ и на сушѣ;
 Твое оружье—лучше всѣхъ штыковъ,
 Вносившихъ въ міръ слѣды однихъ оковъ,
 И нашихъ дней новѣйшіе герои
 Въ свободѣ не увидятъ новой Трои.

LXXX.

О, ты, Гомеръ! Я долженъ описать,
 Какъ гибли люди въ битвѣ, какъ въ заразѣ,
 Гдѣ больше жертвъ могли бѣ мы отыскать,
 Чѣмъ у тебя, въ классическомъ разсказѣ.
 Но мнѣ ли здѣсь соперничать съ тобой?
 Ручей ли съ океаномъ вступить въ бой!
 Хотя рѣзней и наше поколѣнье
 Равняется съ древнѣйшимъ безъ сомнѣнья,

LXXXI.

Рѣзней не поэтической, живой, —
 А жизнь назвать намъ истиной возможно, —
 Гдѣ истину свѣряемъ мы съ молвой,
 Чтобъ въ промахъ не попасть неосторожно.
 Сейчасъ начнутъ брать крѣпость Измаилъ...
 Гдѣ жъ красокъ взять? гдѣ взять къ разсказу силъ?
 О, души всѣхъ героевъ! вашимъ свѣтомъ
 Лучи свои питаетъ солнце лѣтомъ!...

LXXXII.

О, Бонапартъ! Гдѣ списокъ жертвъ войны?
 Гдѣ пышные, большіе бюллетени?
 О, Леонидъ, гдѣ Греціи сыны,
 Погибшія страдальческія тѣни?
 О, Цезарь! дайте красокъ мнѣ, цвѣтовъ,
 Чтобъ продолжать разсказъ! Я былъ готовъ,
 Чтобъ славы умирающей отливъ
 Въ моихъ стихахъ опять явились живы.

LXXXIII.

Да, слава умираетъ, какъ народъ,
 Но снова можетъ въ жизни обновляться
 И каждый часъ, и каждый день и годъ.
 Героямъ суждено опять рождаться,
 Когда же мы припомнимъ ихъ дѣла,
 Всю массу добрыхъ подвиговъ и зла,
 То явятся они намъ въ нашей сферѣ
 Какъ мясники... въ громаднѣйшемъ размѣрѣ.

LXXXIV.

Медали, ленты, кружева, чины —
 Вотъ всѣхъ людей безсмертныхъ украшенья.
 Мундиры—лишь для мальчиговъ даны,
 Какъ дамамъ вѣра для развлеченья.
 Любой солдатъ, надѣвши свой мундиръ,
 Ужъ думаетъ явиться славнымъ въ миръ.
 Что жь слава — ты? Спросите поросенка,
 Когда онъ въ полѣ вѣтеръ чуетъ тошно (*).

LXXXV.

Онъ чувствуетъ его, когда бѣжитъ,
 Какъ настоящій поросенокъ, или...
 Какъ ловкій бригъ, за вѣтромъ онъ спѣшитъ,
 Прибавлю я скорѣе, чтобъ простили
 Мнѣ первое сравненье, а затѣмъ
 Здѣсь кончу пѣсню я и буду нѣмъ,
 За то другая пѣсня, можетъ статься,
 Какъ деревенскій колоколь раздастся.

LXXXVI.

Но, чу! среди полнотной тишины
 Замѣтно войска стройное движенье
 И крадутся у крѣпостной стѣны
 Безмолвные отряды, какъ видѣнья.
 А сквозь туманъ льютъ звѣзды блѣдный свѣтъ
 И словно шлютъ прощальный свой привѣтъ,
 Но скоро адскій дымъ передъ стѣною
 Закроетъ все зловѣщей пеленою.

LXXXVII.

Умолкнемъ здѣсь. То пауза, когда
 Отъ жизни къ смерти—шагъ одинъ, мгновенье,
 Когда на мигъ смолкаетъ въ насъ вражда
 И передъ смертью сходитъ примиренье,
 Еще минута — жизнь проснется вновь,
 Залпъ, крики: маршъ! кругомъ полетѣтъ кровь...
 Ура! Аллахъ! И скоро въ ревъ битвы
 Сольются и проклятья и молитвы.

(*) Фигуральное выраженіе, заимствованное изъ псалмовъ.